

Юрий ИВАНОВ

НЕКОТОРЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУСИНОВ МОЛДАВИИ О РОДНОМ ЯЗЫКЕ

Занимаясь этнографическими исследованиями среди русинов Молдавии и их потомков, я не раз сталкивался с целым комплексом представлений, как правило, русинов старшего поколения о своем родном языке. Основной идейный стержень, вокруг которого базируются эти представления, - это мысль о том, что их язык является сакральным носителем древней мировой мудрости, от которого произошли все остальные языки и наречия, и который лежит в основе написания всех священных текстов и книг. Этот факт может в начале показаться невероятным по своей претензициозности, тем более, что подавляющее число опрошенных – пожилые люди с невысоким, по современным меркам, уровнем образования и кругозора...

В частности, особо интересно мнение людей с ярко выраженной религиозностью, которые полагают, что первое слово Бога и сама Библия были сказаны и записаны на первозданном русинском языке. Причем самым удивительным является то, что такая точка зрения наличествует у русинов различных христианских конфессий и направлений. Привожу конкретные примеры:

Шевчук Никифор Павлович, житель села Нагоряны Рышканского района, 1922 года рождения, православного вероисповедания: «Наш язык – русский, самый правиднэй, самый пэрвый зо усих язэкиу на свити... Бог заговорэу з людъмэ на нашим языковэ, и пэрва Библия, як казалэ дуже стари люды, була запэсана на ним... Увси народэ говорят на тэх язэках, шо спортылэ вид пэрвого нашего языка, шо дау нам Бог...»¹.

Рифляк Виктор Иванович, житель города Рышканы, 1922 года рождения, православного вероисповедания: «Наш язык – той самэй пэрвый и правиднэй русский язык, шо Бог заговорэу на ним... Стари люди казалэ, шо Адам и Ева говорэлэ на ним... Вид цэго язэка пишлэ и увси други языке у других народиу... Пэрва Библия була запэсана нэ на еуврейским, а на нашим язэковэ, алэ, вин уже даувно спорчиннэй другимэ людъмэ»².

Черней Виктор Эммануилович, житель города Рышкны, 1919 года рождения, христианин-пятидесятники: «Стари людэ и мои татэ (родители), яки усигда булэ вэрущимэ, колэс (давно, когда-то) казалэ, шо значала Библия була напэсана на нашим старим язэковэ, бо Бог у начали вогорэу з людэмэ на ним... Той язэк, колэ людэ строилэ Вавилонску башню, шо Бог роздилэу и змишау, буув наш старэй язэк... Мэ ужэ нэ так говорым як ти стари людэ, а молодижь и того нэ знаи»³.

Пасечник (Ботнарюк) Вера Даниловна, жительница села Малиновское Рышканского района, 1915 года рождения, христианка-пятидесятница: «Колэ я була мала, то чула, шо стари людэ казалэ, шо пэрвэ слово вид Бога, яким вин сотворэу вэсь свит було на нашим язэковэ... Казалэ, шо первый раз Библия була запэсана тоже на нашим язэковэ...»⁴.

Бурдужан Иван Георгиевич, житель города Рышканы, 1926 года рождения, христианин-пятидесятник: «Вид дужэ старэх людэй – толковэзнию, я ще малэй чуув, шо то пэрвэ слово вид Бога, и як кажэ Библия, яке самэ було Богом, було сказано на нашим язэковэ... И пэрва Библия була напэсана на ним... Ще казалэ, шо той язэк, колэ людэ строилэ Вавилонску башню до нэба, и шо Бог пэрэмишау иго, буув старэм нашэм язэком. И увси народэ зарэ (теперь) говорят на порчиним нашим язэковэ...»⁵.

Колибаба Борис Иванович, житель села Нагоряны, 1929 года рождения, свидетель Иеговы: «Я тожэ колэс чуув вид старэх людэй, шо наш язэк – цэ буув пэрвый язэк, на яким Бог говорэу з людэмэ... Казалэ, шо и Библия була зразу напэсана на ним... Ти стари людэ дужэ багато зналэ, шо тэпэр нам и нэ снэлоса...»⁶.

Новикова (Тимчук) Евгения Алексеевна, жительница города Рышканы, 1929 года рождения, из христиан-субботников: «Да, колэ я була мала, то чула вид старэх людэй, шо Бог колэс говорэу з пэрвымэ людэмэ на нашим язэковэ, и Библия пэрва тоже була напэсана на ним... Тэпэр спортылэ цэй язэк, а молодижь уже нычого нэ знаи...»⁷.

Бурдужан Петр Васильевич, житель села Нагоряны Рышканского района, 1931 года рождения, евангелист-баптист: «Я колэс чуув вид старэх людэй, шо пэрвый чулувический язэк цэ буув наш язэк... И у начали Библия була запэсана на нашим язэковэ...»⁸.

Эти примеры можно было бы продолжить.

Приведенные высказывания абсолютно не связаны с доктринами, проповедуемыми в данных церковных общинах. В этом автор имел возможность убедиться, так как сам неоднократно посещал их. Да и из самих текстов видно, что собеседники не ссылались на церковные институты, к которым они принадлежат. Источник иной - «стари людэ», древние знания их предков. Именно в реликтовой памяти прадедов-

русинов, по мнению автора, надо искать следы столь неожиданных взглядов опрошенных на их родной язык.

Небезынтересно отметить, что аналогичные высказывания зафиксированы автором и у представителей других национальностей.

Бренич (Урсу) Зинаида Яковлевна, молдаванка, жительница города Рышканы, православного вероисповедания: «Я ще мала чула вид своих дидиу, шо цэй наш хохляцкий молдавский язык (*русинский язык, ибо Зинаида Яковлевна не считает его украинским языком – Ю.И.*), буув пэрвым у Бога, и пэрва Библия була напэсана на ним...»⁹.

Кирика Федор Пантелеевич, молдаванин, житель города Рышканы, христианин-пятидесятник: «Я еще с детства слышал, что рутены, как их называли румыны, были первыми людьми на этой земле... Говорили, что Священное Писание было вначале записано на рутенском языке. Но так ли это? - точно не знаю, не берусь утверждать...»¹⁰.

Паря Анатолий Францевич, 1938 года рождения, житель города Рышканы, христианин-субботник, отец – поляк, в паспорте записан как украинец, однако считает себя «хохлом-русняком»: «Вид мого тата я колэс чуув, шо наш цэй хохляцкий язык буув пэрвым у Бога, и пэрва Библия була напэсана на ним, но точно цэ нэ знаю...»¹¹.

Конечно, все это легко объясняется длительным совместным проживанием опрошенных и их предков с русинами Молдавии.

Как бы ни казались амбициозными взгляды стариков-русинов, они не единственны в своем роде. Схожая теория существовала на Руси издревле. В одной из рукописей XV века, напечатанной О.М. Бодянским в 1863 году, есть такая фраза: «А грамота русская явилась Богом дана в Корсуне русину, от нея же научился философ Константин»¹².

Русский книжник XV века, говоря о русине, научившем русской грамоте Константина Философа, имел в виду сообщение «Жития Константина Философа» (гл. VIII)¹³. Здесь рассказывается, что во время путешествия в Хазарию (около 860 г.) Константин Философ задержался на некоторое время со своими спутниками в Крыму. В городе Корсуне (Херсонесе) он «обрел» евангелие и псалтырь, написанные русскими буквами («русьскими письмены»). Константин, владевший многими языками, научился читать эти книги так скоро, что спутники его – греки – увидели в этом великое чудо.

Надо сказать, что высказывание древнерусского книжника повлияло на мнение тех исследователей, которые считали, что письменность у восточных славян существовала еще до просветительской деятельности Константина в виде глаголического письма¹⁴.

Вполне возможно, что неизвестный автор XV века, делая подобное утверждение, располагал другими источниками местного происхождения. А ссылка на «Житие Константина Философа» нужна была для

подкрепления уже бытовавшей теории, имевшей древнерусские корни.

На эту мысль автора данной статьи наводит существование родственной легенде о Константине Философе (Кирэли-Вучетыли, т.е. Кирилле-Учителе) у русинов Молдавии, записанной мною в разное время и в различных вариантах.

Русинская легенда особенно ценна тем, что в ней фигурируют персонажи, позволяющие нащупать ту тончайшую нить, которая может привести нас к той далекой индоевропейской мифологической праоснове взглядов, как и древнерусского книжника, если она была в данном случае, так и современных русинов Молдавии. Изложу одну из наиболее содержательных записей на данную тему, сделанную мной в ноябре 1979 года в селе Нагоряны со слов его жителей Ротаря В.Я. (1895-1983) и Иванова В.К. (1906-1980):

...Колэ Вэлэкий Кирэл-Вучетыль та йиго брат Мэфодий забэглэ (захотели, решили) вучеты словянский народ, то сталэ прэрэд иконою Прэсватой Богородыци, шо стояла у Царьгороди у самим вэлэким храми, и началы молэтца, бо нэ зналэ шо их чикаи... И зийшла Прэсвата Богородэца до нэх, и дала им поцюлюватэ свои руки, и сказала им: «Добрэ дило вэ задумалэ, маи вирни сынэ, даувно пора цэ начатэ. Бо словянский народ дуже честый душою и сэрцэм, и мой вэлэку надию на Бога. Та пора йиго прывэртаты до Господа Нашого и Иисуса Хрэста... Идит, и будэ вам Божэ благословэння и моя молэтва, а моя рука росчестэ вам дорогу и нычого плохого до вас нэ доторкнэтца... Алэ... будэ вам у Словяньски зимли вэлэке чудо и дэво, бо учуитэ вэ и убачитэ Пэрвэ Слова вид Бога, у яким Бог зийшоу до нас. И то будэ вэлэкий знак вам и другим народам...» И упалэ з вэлэкую радистью на зэмлю Кирэл та Мэфодий, и доувго цюлювалэ святи ножки Прэсвати Богородэци... Нэдоувго вонэ збэралыса и пишлэ у дорогу до Словянскуи зимли... И найшлэ вэлэкий народ словянский, якому нэ було числа, и сталэ учеты йиго Правэдни Наши Вири Правослаувни. И сталэ учеты йиго грамоти цэркоувни, и сталэ учеты як читатэ и пэсаты кныжке мудри, и багато тэх кныжок роздалы народу словянскому. И багато найшлэ суби вученыкиу добрых та гарнэх для цэго дила, яки тожэ пишли по народу учетэ грамоти цэркоувни и Вири Правослаувни... И зарадувалоса сэрцэ Кирэлу та Мэфодию, и сталэ вонэ благодарэтэ Бога и Прэсвату Богородыцу за таке чудо и таку помишь!... Алы... як шос (что-то) шкрэбало (скребло) им на душу, бо пока нэ бачилэ вонэ того вэлэкого чуда за Пэрвэ Слово вид Бога, яке им вобыщала Прэсвата Богородыца... И пишлэ вонэ далшэ, на Виз (на Север), учетэ Словянский народ. И попалэ у вэлэкий лис, якому ны було ны конца ны краю, и заблудэлыса... И тут учулэ вонэ як будто якис хор чи спиваи, чи молэтца Богу. И стало

им лэгчи на сэрци, и пишлэ вонэ на ти голоса... Доувго вонэ йшлэ, пока нэ стау росходэтца лис и ны выйшли вонэ на честэ мисто. И убачилэ вонэ вэлэку башню, яка тянуласа аж поштэ шо до нэба, а на самим вэрховэ була як нэ достроина. И йшоу з той башни свет и ти голоса, шо вонэ учулэ раньчи. И пэрэхрэстэлыса Кирэл и Мэфодий, и решэлэ зайтэ у ту башню з молэтвою, бо дужэ чудно и дэувно стало им... Колэ вонэ зайшлэ, то убачилэ там сим старциу у золэтэх рэзах, яки стоялэ кругом и молэлэса Богу. А посэрэдэни стояла дужэ файна молода жинка у били як сниг водэжди. Вона трэмала вэлэку кнэжку з жэлизною обложкуу з якои читала молэтвы... И кажна буква, кажнэ слово у ти кнэжки гурило вогнем и свитэлоса таким светом, шо тяжко було дэвэтца, бо начиналэ булитэ вочи... И яке слово та жинка скажэ, то самэ поувторяют свати старци... И така сэла, и така радисть йшла вид тои молэтвэ, шо слезы сами биглэ з вочей Кирэла та Мэфодия... А вид тои кнэжки, вид тои жинки, и вид тэх старциу йшоу такий свет, шо у ти башни, хотэ и нэ було ныгдэ вогня, а було вэдко май луччи, чем билим днем... Нэ вэдыржалэ Кирэл та Мэфодий, нэзко поклонэлэса и сказалэ: «Бог вам у помишь, Свати Люды!... Куда мэ попалэ, дэ мэ находэмся, и то вэ тут робытэ?...» Пэрэрвалэса старци и жинка, тожэ поклонэлэса и сказалэ: «И вам Бог у помишь, Кирэл и Мэфодий!...» И стало тим ще май чудно, шо ти назвалэ их мя (по имени)... И продоувжылэ: «А мисто цэ – Вэлэка Мира, шо у Библии еувреи назвалэ «Вавилонска башня», а находэмса мэ у Руськи зэмли... А читаим мэ ту Пэрву Библию, у яки запэсанэ Пэрвэ и Пуслиднэ Слово Бога... И колэ мэ закончим, тодэ и настанэ конэц свита!... А читаим мэ ни на тим язэковэ, шо буув йидэн для усих, пока Господь нэ змишау иго, шоб людэ нэ достоилэ цу Вавилонску башню... Вэ нэ пизнаетэ цэй язэк?...» И прэслуhalэса Кирэл и Мэфодий, и сказалэ: «Як будто пизнаем... Як будто словянский язэк, алэ май файнэй, май честый, май звонкий!...» «Добрэ!» - сказала жинка, - «Пизналэ, цэ и е той пэрвый язэк вид Бога, цэ – наш русняцкий язэк, на яким говорят уси словянэ, и який помишалэ други народы...» Щэ май чудно стало Кирэлу и Мэфодию, и спыталэ вонэ: «А чо цэ ныхто нэ знаи?...» И сказала им дэувна жинка: «Бо нэ прыйшло ще врэмня цэ знатэ... Бо выртаитца Правидна Наша Правослаувна Вира туда, видки вона вэйшла, и вэ прынэслы ии у кнэжках... Бо вэлэка честь и слава будэ Руськи зэмли и Руському народу, бо лэшь вин будэ пазэтэ Правослаувну Виру до Суда Божого!... Алэ знэнавэдят други народы Руську зэмлю за цэ, и дужэ вона будэ страдатэ за цэ, и особэнно у пуслидни врэмэна!... И дужэ будут нэнавэдитэ наш русняцкий русский язэк, и уси будут плеватэ на нэго, и казатэ, шо цэ – псячий язэк, шо лэшь псэ на ним можут гаувкатэ, а людям – сором на ним говорэтэ!... И будут други народэ фалэтца (хвастатэся) своимэ язэкамэ и своию

вирую, и казатэ, шо вонэ сами май пэрви и правидни, но цэ будэ вэлэка нэпраувда... И нэ будэ мира даже и миж словянскимэ народамэ, и будут и вонэ нэнавэдитэ наш старэй и пэрвый русняцкий русский язык!... Но Бог покладэ конэц и цэму... И тодэ у Час Суда видкрэйтца цэ мисто усим сторонам и усим народам, и вэйдэм мы з цэю кнэжкую до людэй, и убачут уси народэ як вонэ вобманювалэса и вобманювалэ других, и будэ тяжко им, бо лэш правиднэм будэ спасэння!...»

И, напоследок, чудесная дева и старцы-мудрецы запретили строго-настрого рассказывать Кириллу и Мефодию об увиденном кому-либо, указав, что это и есть то «вэлэке чудо и дэво», какое им обещала Пресвятая Богородица...

Я несколько сократил легенду, стараясь передать ее основную идею. Интересно отметить, что, по словам Ротаря В.Я., объездившего во время первой мировой войны и после нее весь Карпатский регион, различные вариации этой легенды существовали в начале XX века у русинов Прикарпатья и Закарпатья («по цу и по ту сторону Карпатиу»). Естественно, что местом действия были Карпаты. Однако, и в рассказах некоторых молдавских русинов тоже фигурировали Карпаты¹⁵.

Кто же эта таинственная дева и семь мудрецов, и почему Вавилонская башня оказалась в Русской земле?

В сокровенной русинской мифологии она известна под именем Вэчи или Вэки: «Вэлэкуи Маты Вэчи, Вэлэкуи Божи Сэлы, Вэлэки Божи Рэчи и Мудристи, яка хранэт то Божэ Слово, яким Бог сотворэу вэсь билый свит, зэмлю и нэбо, солнце, звезды, месяц, и усих живэх тварэниу и людэй»¹⁶.

А окружают ее «сим вэлэких старциу – толковэниу», коим открыты все тайны земли и неба, и которые часто сопровождают «Вэлэку Маты Вэчу» в ее земных и небесных делах.

В сокровенных русинских сказаниях Вэча появляется в различных образах: то в виде древней вещей старухи, пророчествующей путнику дальнейший его путь или судьбу; то в виде почтенной матроны с семьей детишками (обличье которых приняли семь старцев-толковинов), разъясняющей достойному человеку, как правильно преодолеть ждущие его препятствия; то в виде юной девы изумительной красоты, испытывающей любовь добра молодца, который идет спасать любимую, и щедро награждающей устоявшего. Она многолика и разнообразна в своих проявлениях: то может принять огромные размеры, заполнив собой все видимое и невидимое, ибо слово покрывает все; то может стать как песчинка, ибо и песчинка имеет имя. Она наставница жаждущих мудрости, к ней обращаются поэты и сказители, ждущие вдохновения. Она дает говорящему особую силу слова, коим он может унять разгневанного царя, остановить безжалостного врага, вы-

лечить безнадежно больного человека и даже воскресить умершего. Слово в устах Маты-Вэчи всемогуще, способно творить небывалые чудеса и дела...

По рассказам стариков-русинов, которые мне довелось слышать в детстве, певцы-сказители древности в начале каждого сказания, пропеваемого слушателям, обязательно обращались к Матэри-Вэчи, прося ниспослать им мистическую силу вдохновения. Хочу привести несколько строк древнего гимна, посвященного Вэчи, списанного мной с рукописи моего прапрадеда Ротаря Я.Д. (1851-1930) в 1983 году:

Та Вэча, та Маты, нам струны заводы,
Йи голос высокий нам сходы з нэбэс,
И сэрце и розум по струнам вин воды,
Мы скажым шо було и буды колэс!

Та лэгки дыхання на били зазвонь!
Та сыла на пальци нам жаром тыче!
Та Вэча, та Маты ту сылу нам гоны,
Бо Слово мечамы за Праувду сиче!¹⁷

Конечно, в рамках данной работы невозможно опубликовать все сведения о Матэри-Вэчи, собранные автором. К сожалению, не вся информация на данный момент подверглась систематизации и научной обработке. Однако, по мнению автора, изложенного выше уже достаточно для того, чтобы любой серьезный исследователь ведийской мифологии мог заподозрить в русинской Вэчи сильно христианизированную родственницу древнеиндийской богини Вач, являющейся персонификацией речи и получившей свое имя от ведийского слова «вас», означавшего «речь, слово»¹⁸. Тожество русского диалектного «вяк(ать)» (в русинском оно звучит как «вэкаты») и санскритского глагола «вас» установлено уже давно¹⁹.

Суть ведийской Речи и ее онтологическое первенство – предмет двух гимнов «Ригведы» – X, 71 и X, 125²⁰. Речь-Вач выступает в них, как образ всего мира, охватывающий все, что в нем есть: «Я рождаю отца на вершине этого (мира); мое лоно в водах, в океане; оттуда расхожусь я по всем существам; я касаюсь теменем того неба. Я ведь вею, как ветер, охватывая все существа: по ту сторону неба, (а) здесь, по ту сторону земли – такая я стала величием» (РВ X, 125, 7-8). Речь-Вач говорит, что она заполнила собой небо и землю (РВ X, 125, 6), что она же движется вместе с богами, несет их на себе; ею живут (РВ X, 125, 4).

Речь описывает себя как повелительницу, собирательницу сокровищ, первую из достойных жертвоприношения (РВ X, 125, 3). Кого Речь

любит, того она делает могучим: одного – брахманом, другого – риши, третьего – мудрым (РВ X, 125, 5). Один из парадоксов, связанный в Ведах с происхождением Речи, состоит в том, что не только Речь создает мудрых риши, но и мудрые риши создали Речь, о чем свидетельствует особый гимн о сотворении сакральной Речи (РВ X, 71), в котором упоминается о том, как древние певцы сотворили Речь, сделав скрытое и непроявленное открытым и явным, причем мысль их служила своего рода фильтром для Речи...

Аналогичный сюжет существует и в русинской мифологии, где уже упоминавшиеся семь мудрецов-толковинов сотворили Вэчу-Маты с помощью особой мыслительной мировой энергии - «Вэлэкого Толка», по названию которой они именуются и сами. Обратим внимание, что количество русинских старцев-толковинов то же самое, что и ведийских риши – семь²¹. Поэтому ведийская триада мысль – слово – дело в русинском исполнении звучит, как мысль («Вэлэкий Толк») – слово («Вэча») – дело («Добрэ Дило»). Заметим, что русинская триада заканчивается не просто «диллом», а именно - «добрым дилом». И это очень важный момент в понимании культуры русинов Молдавии, как прошедшего сквозь время осколка Древней Руси.

Культуры, ставящие в своем начале Слово как высшую реальность данного модуса существования, поскольку оно, облекаясь плотью, воплощается в «разыгрываемом» им мире, известный востоковед В.Н. Топоров именовал «словоцентричными»²². По его мнению, на такой установке стоит всякая подлинно великая культура, более того, такая культура осознает свою связь со Словом, свою глубинную зависимость от него в неизбежном акте пресуществления Слова в Дело (ср. Иоанн I, 1-5 и др.). Востоковед говорит, что тот, кто порывает со Словом, в конечном счете порывает с культурой, изменяя ей ради Дела, утверждающего себя через насилие и своеволие²³. Эта мысль стала особенно актуальной теперь, когда Слово практически везде заболтано и максимально унижено до своего буквенного минимума. Не отсюда ли та чудовищная волна идейного и физического насилия, захлестнувшая все нынешние мировые культуры и цивилизации?..

Далее, В.Н. Топоров подтверждает свои мысли анализом ведийских представлений о языке: «Древнейшим из известных названий своего языка у индийцев, видимо, было вас «речь», «слово» (ср. вас - «говорить», «высказывать» и т.п.); тем самым ведийские арии вкладывали в называние своего языка ту идею абсолютности, которую римляне связывали с Римом, обычно называвшимся ими просто Urbs – Город. В этом отношении очень показательно отклонение ведийского языка (речи) по орудию (органу), с помощью которого он воспроизводится, - языку во рту, ср. рус. язык в обоих смыслах, также др.-

греч. glossa (аттич. glotta), лат. lingua и т. п. Для древнеиндийского языкового сознания назвать язык, считавшийся божественным, по органу, служащему для его выявления, обнаружения, перевода из невидимого состояния в видимое, было бы недопустимым грехом механизма, умалением вечной сущности языка... Впрочем, аналогия между ведийским vac (: vac-) и, например, немецким Sprache (:spreachen), польск. mowa (:mowic) и т.п. также неполна и, по сути дела, обманчива. В связи с ведийским обозначением следует помнить, что это воплотившееся Слово, персонифицированная Речь (ср. богиню речи Вач – Vac); что тем самым vac как язык, речь, слово не только и не столько некий результат говорения, внутренний объект соответствующего действия, сколько творческая сила, энергия (в смысле, который связывал с языком Гумбольдт)»²⁴.

К сожалению, по вполне понятным причинам востоковед не был знаком с русинской мифологической концепцией представлений о Слове и языке. Ибо все вышесказанное им в отношении ведийской схемы до недавних пор можно было найти в целостности и у русинов Молдавии, а значит, возможно, когда-то существовало и во всей древнерусской культуре.

В связи с этим возникает важный и весьма интересный вопрос: в какой все-таки степени родства состоят ведийская Вач и русинская Вэча? Является ли последняя каким-то сложным заимствованием из ведийского пантеона ариев, или у нее собственные, более древние индоевропейские истоки? На этот очень непростой вопрос было бы правильным отвечать только после комплексной обработки и научного изучения всех сведений о русинской Речи – Вэчи. Однако, по праву первенства автор решил высказать несколько своих предположений, конечно же, не бесспорных и окончательных.

Демократические реформы на постсоветском пространстве дали возможность снять многие идеологические заслоны, в том числе и на пути тех ученых, которые уже давно говорили о гораздо более раннем происхождении славянской культуры, чем это было принято официально считать в советский период. Кульминацией идеологических препон была, например, точка зрения академика Д.С. Лихачева, высказанная им по поводу праздника Тысячелетия крещения Руси: «Сама по себе культура не имеет начальной даты. Но если говорить об условной дате начала русской культуры, то я, по своему разумению, считал бы самой обоснованной 988 год. Надо ли оттягивать юбилейные даты в глубь времен? Нужна ли нам дата двухтысячелетия или полуторатысячелетия? С нашими мировыми достижениями в области всех видов искусств вряд ли такая дата чем-либо возвысит русскую культуру. Основное, что сделано мировым славянством для мировой культуры, сде-

лано за последнее тысячелетие. Остальное лишь предполагаемые ценности»²⁵.

Уже в то время этой точке зрения противостояла школа академика Б.А. Рыбакова, который совершил настоящий трудовой подвиг, создав капитальные труды по язычеству древних славян и Древней Руси, убедительно проследив в них гораздо более ранние истоки славянской культуры. Вот что говорит ученик и последователь Б.А. Рыбакова современный российский исследователь Л.Н. Рыжков, возражая Д.С. Лихачеву: «Неужели действительно мы, узнав это, поверим, что нечего нам искать ранее 988 года, «оттягивая юбилейные даты в глубь времен»? И это сейчас, когда каждый, даже самый неведомый народ ищет корни свои где-нибудь в завоевавшей его Римской империи или пытается производить свой язык от латыни или санскрита, надувая щеки от каждого совпавшего санскритского слова? И в это время говорить про свой народ, который дал корневую основу, по-видимому, этим обоим языкам древней культуры (латыни, санскриту, да, пожалуй, и греческому) - «не нужны нам даты двухтысячелетия или полуторатысячелетия», отрезая за ненадобностью путь к познанию древности, истоков своей культуры, ...лишая нашей «индоевропейской седины», в которой именно славянская культура, по-видимому, играла роль связующего фундаментального стержня? Такая позиция выглядит, по меньшей мере, реакционной. Да и зачем? Ради чего? Кому это нужно? Что может дать национальной культуре самоотрицающая, угнетающая самосознание народа поза?»²⁶.

В своем труде «О древностях русского языка» Л.Н. Рыжков, прослеживая в славянском языческом пантеоне многочисленные черты доведической системы, особенно имея в виду единобожные черты²⁷, гармонично связывая их с системой христианских идей, утверждает: «Поэтому противопоставление христианства и русской древности искусственно и ошибочно»²⁸... И надо понимать, что такие положения унижают не только наш народ, но и христианскую церковь, как одну из форм его мирозерцания²⁹».

Русинская Вэча-Речь в этом плане является показательным примером. Ибо диапазон сведений, собранных о ней автором, очень широк: от первоначальных связей с наиболее архаичной частью русинского мифологического пантеона, в котором явно видны доведийские персонажи, до довольно поздних христианских вариаций. Причем от начала и до конца Вэча-Маты неизменно выступает как ипостась и реализация Высшего и Единого Творца, что лишний раз подтверждает точку зрения таких ученых, как Л.Н. Рыжков, это же свидетельствует, в свою очередь, и о доведийских истоках ее самой.

Как это ни парадоксально выглядит, но неизвестный русский книжник XV века, уверенно сказавший: «А грамота русская явилась Богом дана в Корсуне русину, от нея же научился философ Константин», звучит актуальнее и современнее, чем именитый академик, возводимый ныне, конечно же, по праву, в патриархи русской культуры...

«Вэлэкий Толк» в русинской триаде мысль–слово–дело – это тот самый «толк» из словаря В. Даля³⁰, однако, семантика словаря лишь в слабой мере отражает это великое слово славянской древности, подлинное смысловое богатство которого сохранилось в русинской культуре.

Слово «толк» обнаруживается и в английском «talk», примерно в том же значении, что и у Даля: «разговор, беседа, пустая болтовня, сплетни, переговоры, слухи»³¹ и т.д. (кстати, Л.Н. Рыжков тоже обращает на это внимание³²). Эти языковые параллели могут свидетельствовать об особом пути русинской «Вэлэкуи Матэри Вэчи».

У Вэчи-Речи есть важный родовой признак, объединяющий ее с другими древнейшими индоевропейскими традициями, например, хеттской, греческой гомеровской, древнеисландской, древнеирландской. Это положение о различении особого языка богов и языка людей; у Гомера слово «кровь» на языке богов звучало иначе, как и в хеттском, и т.п.³³. Данное представление, как и целый ряд других общеиндоевропейских мифологических мотивов, находит точные соответствия в мифологиях древнего Востока, которые (при наличии других культурных и языковых параллелей) могут быть истолкованы как свидетельство древних контактов носителей индоевропейского праязыка и мифологии с древнеближневосточными народами³⁴. В наиболее раннем, по мнению автора, слое русинской мифологии Вэча-Маты является носителем не слова и речи вообще, пусть и божественных, а первым передатчиком обращений и указаний Верховного Единого Творца («Старого Бози») к другим божественным существам («своим дитяам») рангом пониже, а также к Матери-Земле («Вэлэкуи Нащи Маты Зэмли»), от брака с которой произошли все остальные существа и был сотворен весь видимый и невидимый мир. «Верховный» говорит («вэкаи») на особом, непонятном для чужих ушей языке, слова которого по нужным адресам и разносит Маты-Вэча. Это необходимо по той причине, что «перехват» сокровенного слова «Старого Бози» ушами, для которых оно не предназначено, грозит огромными бедствиями и несчастьями для остального мира. Удивительно, но до сих пор эта древнейшая мифологическая константа индоевропейского праединства зафиксирована в современном языке русинов Молдавии!...

Вот как толкует слово «вэкаты» уже упоминавшийся житель города Рышканы Черней Виктор Эммануилович: «...Вэкаты?... Да... я

знаю... Цэ – дуже старэ слово... Колэс нэ казалэ, шо чулувик вэкаи, а казалэ лэш на дитэй и на слабэх вид Бога (людей с врожденными дефектами психики и речи, а также юродивых – Ю.И.), шо воны вэкают сараки («сараки») – несчастные, бедные достойные сожаления, это сказано в отношении «слабых» (больных), а не детей – Ю.И.)»³⁵.

А вот еще более полный ответ, причем с христианским подтекстом, от тоже упомянутого жителя города Рышканы Бурдужана Ивана Георгиевича: «...Вэкатэ?... Да... Я знаю... Цэ – дужэ старэ, а сама глаувнэ – Сватэ Слово!... Кажут на дитэй шо воны «вэкают» тодэ, колэ воны ще нэ разбэрают чулувичиский язэк (то есть когда дети еще не могут внятно выговаривать слова – Ю.И.)... А цэ получаица того, бо як казалэ стари людэ, шо дытэна ще бизгришна, пока нэ научеласа говорэтэ... И вона «вэкаи», бо вона говорэ з ангиламэ на ихним язэковы!... И англилэ через дытэну говорят, «вэкают» з намы!... Алы мэ – увже нэ понимаим ихнэй язэк, бо дуже увси гришни!... И на слабэх вид Бога казалэ шо вонэ «вэкают», бо, хоть получаица, шо воны як будто вид Бога заbijени, но за цэ Бог им дау разумитэ ангельский язэк... И буваи, шо часто говорят з намэ на цим языковэ, а мэ нэ понимаим – бо дужэ гришни...»³⁶.

Но люди всегда были любопытны, и подслушивать кого-то для них и теперь – любимейшее занятие... По рассказам стариков-русинов, которые я слышал ранее, еще в начале XX века в некоторых русинских селах доживали свой век старцы-ведуны, которые якобы могли понимать и растолковывать другим людям «ангельский» язык «дитэй и слабэх вид Бога». Таким образом, обращавшийся к ведуну мог узнать важное для него событие, которое должно было состояться в будущем; и, если оно было неприятным, то постараться его избежать. Так якобы получали предупреждения и о событиях общенародного масштаба: грядущей войне или мире, голоде, засухе, неурожае, эпидемии или море, ранней или поздней весне, теплом или холодном лете и т.д.

Если открыть словарь В. Даля или любой другой современный толковый словарь, то можно увидеть, что в русском языке сакральный смысл в слове «вякать» не сохранился: «ВЯКАТЬ, вякнуть – мямлить, баять, говор. немо, вяло, протяжно, съ заичкой, или читать так; врать, пустословить, болтать вздорь, пустомелить, разносить пустые слухи, вести; кланчить, канючить, выпрашивать...»³⁷.

Есть только остатки памяти о некоторой дефектности говорящего, но уже не понятно, чем такой дефект вызван, и уж тем более он не считается священным и не имеет божественного происхождения.

Если суммировать все сказанное, то можно прийти к довольно твердому выводу, что русинское «вэкаты», и только оно, сохранило первоначальную семантику индоевропейского праязыка, а ведийское «вас»,

несмотря на всю его многоплановость, содержит уже более поздние представления. Но даже и этим более поздним ведийским взглядам на Слово и Речь В.Н. Топоров не в состоянии, как мы уже видели, найти аналогии в других индоевропейских языках.

Сделанный вывод дополнительно подтверждает наличие в русинской мифологии и самого сюжета о том, как сокровенный язык Бога (или богов) попал к людям и дал начало человеческой речи и языку. Именно Вэча-Маты сыграла здесь особую роль «канала утечки информации», если так выразиться современным языком. После чего она стала носительницей Слова и Речи не только божественных существ, но и людей. К сожалению, в рамках данной статьи нет возможности подробно рассмотреть этот сюжет, так как в нем действуют не менее древние, чем Маты-Вэча, персонажи русинского и индоевропейского пантеона, публикации о которых, как надеется автор, еще выйдут.

Откуда столь невообразимые древности в русинском языке и мифологии, если, как продолжает считать до сих пор подавляющее количество современных исследователей, славянская культура является гораздо более поздним «отщепом» от индоевропейского древа, чем, например, те же ведийские арии, а академик Д.С. Лихачев вообще призывает нас не заглядывать в прошлое славянских народов ранее 988 года ?..

В своей монографии «Язычество древних славян» в главе «Золотой век энеолита» академик Б.А. Рыбаков, исследуя археологические памятники Триполья с космогоническими мотивами, пришел к очень важному для всей индоевропеистики заключению, пока еще не оцененному в должной мере. Он установил, что образ ведийского титана Пуруши имеет своего гораздо более раннего предшественника на трипольской вазе из молдавского села Петрены.

Вот как академик заканчивает главу: «Чрезвычайно интригуют те параллели, которые удалось установить между трипольской живописью и гимнами Ригведы: три яруса мира, лик Праматери и в особенности титан Пуруша. Трипольская роспись является точной иллюстрацией к десятому гимну Ригведы, повторяющей все признаки и детали. Возможно, что при решении вопроса об исходной позиции индо-иранцев в их последующем движении на восток нельзя будет исключить из рассмотрения область трипольской культуры.

Мировоззрение трипольских племен, кроме того, чрезвычайно важно для наших специальных целей изучения славянского язычества.

Большое количество восточнославянских этнографических параллелей в материальной культуре, в орнаментике, обрядах едва ли можно объяснить только одно конвергентностью земледельческого мышления.

Взгляд на карту позднего Триполья убеждает нас в том, что почти вся срединная часть восточной половины славянской прародины (понимая под ней область тшинецкой культуры) была заселена на протяжении нескольких столетий носителями трипольской культуры. Даже если допустить причастность трипольцев к индо-иранской ветви и уход их (или части их) к Пенджабу и Инду, то нельзя думать, что все земледельческое население Поднепровья оказалось вовлеченным в колонизационный процесс.

Вполне возможно, что некоторая часть трипольских племен оказалась субстратом обособившихся праславян.

Напомню тезис Б.В. Горунга о том, что трипольцы входили в число языковых предков славян»⁴⁰.

ЗаклЮчения Б.А. Рыбакова в свое время подтолкнули поиски некоторых исследователей в указанном направлении. Работы этих ученых, подтверждающие точку зрения академика и давшие уже на этой ниве свои плоды, публикуются и привлекают все большее внимание, как специалистов, так и любителей, которым не безразличны истоки и пути своего народа⁴¹.

Л.Н. Рыжков после длительных и напряженных изысканий пришел к довольно обоснованному выводу: «...Живые славянские языки – это практически и есть некоторая форма первичного индоевропейского праязыка, уцелевшего, как ему и полагается в, зоне первичного расселения славян, индоевропейских племен и сохранившего во всем великолепии первичной слоговой лексики...»⁴². И далее: «По-видимому, древнеславянская лексика является источником наиболее древнейшего слоя многих индоевропейских языков, что позволяет говорить о славянских языках как первооснове праязыка индоевропеистики. ...Источником преемственности культур является славянское слоговое праяписание, из которого, скорее всего, и произошли все знаменитые и исчезнувшие европейские алфавиты в процессе его распада. Воскрешение этого письма является поэтому первоочередной задачей мировой культуры»⁴³.

Разве не созвучны мыслям московского ученого слова стариков-русинов, опирающиеся на реликтовую память их предков (и которые, кстати, я записал еще до знакомства с трудами Л.Н. Рыжкова)?.... Особенно вот это: «Дужэ стари людэ казалэ, шо як знатэ наш язэк и ключик до нэго, то можно пониматэ и увси други языке, бо увси вонэ пишлэ вид нашого, бо спортылэ наш язэк... Ти стари людэ зналэ, шо вонэ казалэ, и зналэ як цэ робэтэ... И ще вонэ казалэ, шо колэ людэ зноу наувчатца пониматэ черэз наш язэк други языке, тодэ уся праувда зноу вэйдэ на билый свит и будэ конэц врэмэнам...»⁴⁴. Будем надеяться, что традиционный для русинского мифологического сознания «ко-

нэц врэмэнам» или «билому свиту», который должен случиться в момент окончательного и бесповоротного открытия Высшей Истины заблудшему миру, все же не наступит из-за некоторого прояснения и пояснения славянских древностей...

Конечно, строить научные теории на простом созвучии высказываний пожилых русинов и московских «светил» было бы нелепо и авантюрно. Однако, как полагает автор, уже то, что было сказано в данной статье о русинской Вэчи-Речи, вносит некоторую обоснованность в такое созвучие, тем более, что Вэча-Маты далеко не единственный персонаж из этого ряда...

Например, говоря о титане Пуруше из Петрен, Б.А. Рыбаков указывает, что Ригведа хранит уже «архаичные (и поэтому туманные) мифы о Пуруше»⁴⁵. Академик совершенно прав, ибо из ведийских гимнов уже невозможно понять, почему титан носит такое имя, и что оно означает. В любом санскритском словаре мы находим только одно, что «*puruṣa*» - это просто «человек» или «мужчина»⁴⁶. Также мы не найдем в ведийской мифологии и санскрите расшифровку имен великой прародительнице Адити или еще одного великана-праотца Ямы и некоторых других... Как это ни поразительно, но эти персонажи обнаруживаются в древнейшей части мифологического свода русинов Молдавии! Причем, с довольно полной расшифровкой имен, первичных функций и связей!...

Полагаю, что после всего сказанного вполне ясна значимость и необходимость изучения русинских древностей не только для всей славистики, но и для всей индоевропеистики в целом. Однако здесь надо торопиться. Ибо чудные, на первый взгляд, старички-русины, столь возвышенно говорящие о своем родном языке (и, как полагает автор, говорящие не безосновательно), один за другим уходят в иной мир. И есть вполне реальная тревога, что когда наконец-то научный мир обратит на них должное внимание, то никого из них уже не будет в живых. Только к моменту окончания автором доклада троих из опрошенных уже нет с нами!.. Светлой их памяти посвящаю эту работу...

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Запись беседы в селе Нагоряны от 27.08.2005 г.
2. Запись беседы в городе Рышканы от 11.09.2005 г.
3. Запись беседы в городе Рышканы от 30.08.2005 г.
4. Запись беседы в городе Рышканы от 14.09.2005 г.
5. Запись беседы в городе Рышканы от 02.09.2005 г.
6. Запись беседы в селе Нагоряны от 16.04.2007 г.
7. Запись беседы в городе Рышканы от 14.02.2006 г.

8. Запись беседы в селе Нагоряны от 12.07.2005 г.
9. Запись беседы в городе Рышканы от 29.08.2005 г.
10. Запись беседы в городе Рышканы от 14.09.2005 г.
11. Запись беседы в городе Рышканы от 15.06.2006 г.
12. Чтения Общества истории и древностей Российских. Кн. 2. СПб., 1863. С. 31.
13. Современный русский перевод жития можно найти в сборнике Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX-XVIII веков. М.: Худож. лит., 1990. С. 110-127.
14. Якубинский Л.П. История древнего языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953. С. 7-9.
15. Место действия этой легенды к Карпатам относили жители села Нагоряны Осипов А.П. (1898-1983) и Иванов П.А. (1912-1970), рассказы которых я слышал в конце 60-х и в начале 70-х годов.
16. Записано со слов жителей села Нагоряны Иванова В.К. и Ротаря В.Я. в ноябре 1979 года.
17. Ведийская мифология – совокупность мифологических представлений ведийских ариев, вторгшихся во II тыс. до н.э. в северо-западную Индию и постепенно расселившихся в восточном и южном направлениях.
18. Мифы народов мира. Энциклопедия (в 2-х томах). Гл. ред. С.А. Токарев. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 219-220.
19. См. напр. статью Ахужа А., Гусева Н. Тайные истоки видимых рек // Техника молодежи. М.: Молодая гвардия, 1982. № 8. С. 50-53.
20. См. напр. Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука, 1979. С. 60-63.
21. См. Древняя Индия. Язык, культура, текст. М.: Наука, 1985. С. 7-8.
22. Там же. С. 5.
23. Там же. С. 6.
24. Там же. С. 6.
25. Лихачев Д.С. Крещение Руси и государство Русь // Новый мир № 6 1988 С. 257.
26. Рыжков Л.Н. О древностях русского языка. М.: Древнее и современное, 2002. С. 172.
27. Там же. С. 174-175. Цитирую: «Другими словами, у славян мог сохраниться более ранний индоевропейский пантеон с первичными космогоническими связями, не обремененный обожествлением событий и собственных героев, где трон еще не захвачен громовержцами, как в Риме и Греции». И действительно, такие следы мы находим:
«По свидетельству летописей Прокопия Кесарийского... Гемольда, биографа Оттона... древнейшие славяне верили в Единого бога, называя его Верховным, Небесным богом, богом богов. Из Нестора также видно, что славяне русские имели понятие о высшем существе, нарицаемом преимущественно богом, богом Вседержителем и различали его от бога Перуна и других второстепенных божеств. Славяне чтили в нем Отца Природы и Господина мира, которого воля правит его судьбами, которого промысел удерживает все, его почитали Владыкою неба, источником божественной силы и называли Вели-

ким богом, Старым богом или Прабогом. Другие боги были по верованию славян как от верховного бога происходящие существа. Его произведениями, властью, от него зависящими между Ним и Миром, сильными Его силою, и то не все одинаково святые. Из всего пересмотра баснословных существ славянских выходит, что Отца Творения, который своею премудрою, всетворною любовью (Ладою) создал первоначальное бытие».

28. Там же. С. 176.

29. Там же. С. 183.

30. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. С. 412.

31. *Аракин В.Д., Выгодская З.С., Ильина Н.Н.* Англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1992. С. 520.

32. *Рыжков Л.Н.*, Указ. соч. С. 112-113.

33. Лит. 18. С. 532.

34. Там же.

35. Запись беседы в городе Рышканы от 17.10.2006 г.

36. Запись беседы в городе Рышканы от 20.11.2006 г.

37. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том I. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. С. 338.

38. Толковый словарь русского языка. Том I. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Государственный институт, Советская Энциклопедия, 1935. С. 268.

39. См.: напр., *Кузьмичев И.К.* Лада. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 46.

40. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. С. 217.

41. См. напр.: *Рыжков Л.Н.* Указ. соч.; *Шилов Ю.А.* Прародина ариев. История, обряды и мифы. Киев: Синто, 1995.

42. *Рыжков Л.Н.* Указ. соч. С. 156.

43. Там же. С. 159.

44. Запись беседы с Бурдужаном Иваном Георгиевичем в городе Рышканы от 02.09.2005 г.

45. *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 216.

46. См. напр.: *Кочергина В.А.* Учебник санскрита. Учебник для высших учебных заведений. М.: Филология, 1994. С. 308.

**Сайт подкарпатского общества имени
Кирилла и Мефодия**
<http://karpatorusyns.org>

